

Туаньцзы наострил уши, готовясь слушать истории о папеньке и отце-государе, но Чу Цзюань больше не проронил ни слова. Он лишь погладил белые рога дракона, торчащие из пушистой макушки Драконьего дитяти, с равнодушным видом, а спустя долгое время поднял взгляд вдаль.

Чу Цзюань был невероятно проницательным, и Туаньцзы навсегда запомнил этот взгляд отца. Лишь спустя много-много лет он понял, что эта сложная гамма чувств называлась тоской и сожалением.

Но тогда он был еще слишком мал, чтобы понять это, да и времени рассказать отцу не было.

Туаньцзы поспешно проследил за взглядом отца: снаружи небо затянуло тяжелыми тучами, скрывшими слабый свет, и ничего толком разглядеть было нельзя. Неизвестно почему, но он вдруг почувствовал, что отцу сейчас так же тяжело... так же тяжело, как и отцу-государю.

Теплая ладонь снова и снова гладила его рога. Прошло много времени, прежде чем он услышал хриплый голос отца:

— Все эти годы отец-государь хорошо к тебе относился?

Туаньцзы насторожился, почувствовав неладное, и робко поднял голову. Однако отец не смотрел на него — с того ракурса, под которым он находился, он видел лишь линию челюсти отца, натянутую, словно струна, — острую и осунувшуюся, растворяющуюся в тусклом свете за окном.

Он задумался, собираясь ответить, но отец снова погладил его по голове и, словно вздохнув, едва заметно дернул уголком губ:

— О чем это я... уже пора, Туаньцзы, тебе пора к наставнику.

При упоминании Сунь Ицзы у Туаньцзы вытянулось лицо. Наставник был строг и педантичен до крайности: за опоздания бил по ладоням и заставлял переписывать сутры. Во всем Девяти Небес, кроме отца-государя, он боялся его больше всего.

Чу Цзюань опустил на пол круглого и мягкого Туаньцзы и на мгновение задумался:

— Если увидишь отца-государя, скажи ему, чтобы уходил. Не нужно ждать здесь.

— Все равно дверь он не откроет.

Туаньцзы, топорща рожки, убежал. Передав слова, он еще немного помолчал, а потом, присев на корточки, погладил его по рогам, отпуская на учебу к наставнику.

Убежав к воротам дворца, Туаньцзы не удержался и оглянулся. Уже рассвело, но отец-государь все еще стоял во дворе, выпрямив спину. Он смотрел на высокого Нэйцзюня, запертого в Цзыдянь. В тот миг Туаньцзы впервые увидел, как его всемогущий отец-государь оказался бессилен.

Отец-государь всегда был сильнейшим, непобедимым во всех шести мирах, он заставлял всех дрожать от страха, но лишь перед отцом он был беспомощен — даже войти не мог.

Се Чэньлу вошел во Дворец Бисяо, хотя вещи его туда пускали.

Небесная дева на цыпочках принесла отвар:

— Ваше Высочество, Суп Восьми Сокровищ Трех Истоков для восполнения духовной силы. Говорят, он очень полезен для тех, кто долго пребывал в забвении. Сейчас он как раз нужной температуры, как раз успеете выпить, пока не остыл.

Аромат горячего супа заставлял небесных дев и стражников то и дело коситься в ту сторону. В этой чаше были собраны редчайшие сокровища небес — в мире смертных один лишь глоток любого из этих ингредиентов позволил бы вознестись, а здесь всё это было сварено в одном супе. Какая роскошь.

Однако Нэйцзюнь лишь пригубил немного и отставил чашу.

— Оставь там, — равнодушно произнес он.

Так этот суп и стоял, пока не остыл, и второго глотка не последовало.

Небесная дева поспешно покачала головой, отвечая Се Чэньлу шепотом:

— Нэйцзюнь совсем не имеет аппетита, выпил лишь глоток...

Даже лекарство почти не пил, сколько ни уговаривай — лишь слегка пригубит. Она не решалась сказать об этом Нэйцзюню, боясь, что если узнает, что с Нэйцзюнем что-то не так, то первым не выдержит он сам.

Се Чэньлу нахмурился еще сильнее, но промолчал. Он лишь опустил взгляд на свои ладони: на белой коже виднелись перекрещивающиеся шрамы, которые быстро заживали под воздействием духовной силы, оставляя лишь бледные следы.

Суп было нелегко приготовить: он не раз совершал ошибки, даже обжег ладони Истинным Огнем Самхадхи. Такое не выучишь в одночасье.

Когда-то, чтобы спасти Божество Цинхэн, он отдал свою кровь, и тогда Нэйцзюнь тоже день и ночь ухаживал за ним, раздевая и переодевая. Он думал, что этот суп — сущий пустяк...

Се Чэньлу прикрыл глаза и горько усмехнулся. С самого начала он именно так растаптывал искренность Нэйцзюня.

Это действительно было сущим пустяком — просто караулить его сутки напролет, не пропуская ни мгновения, а если что-то пошло не так — начинать все сначала.

Он поднял голову, глядя на плотно закрытые двери дворца, и невольно сжал кулаки. Год за годом... испытывал ли тогда Нэйцзюнь такие же обиды?

У Чу Цзюаня весь день не было особых дел. Кроме как читать книги, якобы интересуясь переменами в шести мирах за последние триста лет, он просто сидел у окна и глядел в пустоту.

Чу Цзюань когда-то был отважным Нэйцзюнем, сражавшимся на поле брани, пока Божество Цинхэн залечивал раны в уединении. Он был непобедим, потом стал любящим и статным второстепенным персонажем, а теперь превратился в меланхоличного красавца с боевыми ранами.

Он хмурился, глядя в окно, а небесные девы шептались о том, как жалок Нэйцзюнь: его силуэт был пропитан такой печалью и одиночеством, что сердце разрывалось.

На самом деле, внешне он выглядел погруженным в глубокие думы, но в действительности болтал с Системой 003.

003 сокрушался:

— Тот суп помог бы тебе поправиться, почему ты его не пьешь!

Какое расточительство!

Чу Цзюань с бесстрастным лицом слегка поднял голову, бросив взгляд на невидимого никому, кроме него, 003:

— Чтобы укрепить здоровье, а потом прожить в этом мире еще тысячу лет?

Я и так нехотя вернулся на эту работу, не проси от меня большего.

003 подавился словами, его бледно-голубой силуэт крутанулся в воздухе и посмотрел на длинный силуэт за углом окна:

— Ты уже семь дней держишь главного героя-уке за дверь. Когда собираешься впустить Се Чэньлу?

Чу Цзюань помолчал, а затем, поймав полный надежды взгляд 003, серьезно задумался:

— Сколько времени продержали за дверь из-за недопонимания с Божеством Цинхэн триста лет назад?

У 003 появилось плохое предчувствие:

— Ты что, хочешь продержать главного героя-уке за дверь целый месяц?

Чу Цзюань оживился:

— Оказывается, месяц? Я уже и забыл. Ну, тогда пусть будет месяц.

003: «.....»

Тишина тянулась долго. Спустя некоторое время 003 пролистал книгу, лежащую под рукой, и с сомнением произнес:

— Хозяин, ты же сказал, что читаешь летопись перемен шести миров за триста лет? Почему ты читаешь поваренную книгу?

Гребешки с вышивкой, золотистые птички, суп из плавников акулы, бамбуковые побеги Лунцзин, гусиная печень с румянами?

— Смотрю, чего бы мне хотелось съесть, чтобы намекнуть Се Чэньлу приготовить.

003: «.....»

Как же быть с этим негодным хозяином!!!

— Успокойся, — Чу Цзюань взял чашку чая и неторопливо отпил, его взгляд был спокоен. — В конце концов, я кормил его несколько сотен лет, но так и не приручил до конца. Теперь, когда он наконец-то «приручился», почему бы не получить немного процентов?

— Итак, как насчет утиных лапок с грибами на ужин?

003 помолчал, а потом был вынужден с трудом напомнить:

— Хозяин, сейчас у тебя образ тяжелобольного с боевыми ранами...

Видя, что Чу Цзюань совсем не обращает на это внимания, 003 с болью указал на соседнее блюдо:

— ...Хозяин, лучше съешь кашу из красных бобов.

Весь месяц Се Чэньлу изоощрялся, готовя для Чу Цзюаня разные блюда, но дух Чу Цзюаня был слаб. Большую часть времени он либо спал, либо смотрел в окно, а ел всегда с ленцой, всего по паре ложек.

В конце концов, все доставалось Туаньцзы. Малыш за этот месяц прибавил в весе, и обнимать его стало еще приятнее.

Се Чэньлу — сын судьбы, на пути совершенствования у него всегда были возможности. После смерти Чу Цзюаня весь дворец перешел под его управление. Ради воскрешения Чу Цзюаня он не щадил жизни, несколько раз оказываясь на грани смерти, чтобы прорваться на новый уровень, и теперь в шести мирах почти не было равных ему.

Поэтому в этом мире не было места, куда бы он не мог попасть. Иногда он пользовался тем, что Чу Цзюань спал, чтобы взглянуть на него и утолить тоску. Когда он хотел протянуть руку и коснуться того, о ком грезил днями и ночами, веки Чу Цзюаня подрагивали, и, видя, что тот вот-вот проснется, он сдержанно убирал руку и уходил до того, как Чу Цзюань откроет глаза.

Они были так близко, но словно разделены тысячами миль.

Чу Цзюань открыл дверь Се Чэньлу однажды глубокой ночью.

Днем Се Чэньлу занимался делами Девяти Небес, а по вечерам приходил ко Дворцу Бисю. Если Чу Цзюань не разрешал войти, он оставался снаружи. Так, без сна и отдыха, он провел несколько дней, и даже для бессмертного он выглядел изможденным.

Его лицо было бледным, под глазами залегли тени усталости, но в тот момент, когда двери дворца отворились, он поднял веки.

Ночной ветер срывал лепестки с грушевого дерева у Дворца Бисяо. Чу Цзюань был одет в тонкие белые одежды, на плечи был накинут черный плащ, длинные, как чернила, волосы спадали на плечи. В руке он держал Лампу Вечного Пламени, его тонкая рука, сжимающая фонарь, казалась болезненно хрупкой.

Возможно, он думал, что Се Чэньлу уже ушел, и в тот момент, когда он его увидел, глаза его невольно вспыхнули, но тут же медленно погасли.

Он не видел света триста лет, к тому же лишился рогов дракона, поэтому его худоба была естественной, но за эти несколько дней он, казалось, исхудал еще сильнее. Сердце Се Чэньлу дрогнуло.

Оказывается, все эти дни ему тоже было нелегко.

Бледные губы Се Чэньлу дрогнули. Он поднял взгляд на него, и лишь спустя долгое время хрипло произнес:

— Ваше Высочество, вы наконец-то согласились меня видеть?

Он не смел подойти ближе. Он не мог объяснить почему, словно боялся, что если он подойдет, Чу Цзюань снова захлопнет дверь. Хотя он знал, что Нэйцзюнь не сделает этого — он всегда был с ним так нежен и никогда не был столь решителен.

Ему очень хотелось спросить, почему он гнал его прочь, но он не смел.

Бифан поспешно опустил голову, прося прощения, и быстро удалился — он не смел подслушивать личные дела Нэйцзюня.

Когда во дворе остались только они двое, Чу Цзюань заговорил, словно окутанный тенью:

— В последнее время мне часто снится, как ты смотришь на меня с ненавистью, говоришь, чтобы я имел хоть каплю самоуважения...

Эти слова, словно нож, обжигали горло, делая каждое слово таким тяжелым.

Пальцы, сжимавшие ручку фонаря, невольно напряглись, проступили синие вены. Лунный свет, холодный, как сталь, в этот миг лишь подчеркивал его бледность.

— ...чтобы я не питал пустых надежд и не приближался к Дворцу Бисяо...

— ...

Не успел он договорить, как Се Чэньлу рванулся вперед и, почти не затормозив, бросился в объятия Чу Цзюаня. Лампа Вечного Пламени выпала из рук Чу Цзюаня, покатилась по ступеням и с грохотом разбилась.

Чу Цзюань пошатнулся, отступая на несколько шагов, но не смог избежать этого горячего объятия. Впрочем, он не обнял Се Чэньлу в ответ, а лишь застыл на месте, весь напрягшись.

Чу Цзюань растерянно смотрел на разбитый фонарь, пребывая в полной растерянности.

Спустя долгое время он прошептал на ухо Се Чэньлу хриплым голосом:

— Я лишь... хотел, чтобы все было так, как ты желаешь...

<http://bllate.org/book/18619/1792528>